

Б. И. ДУБЕНЦОВ

«Повесть о Плавe» и «Летописец княжения Тверского»

«Повесть о Плавe», рассказывающая о перемирии 1406 г. на реке Плавe, — один из немногих памятников, сохранившихся от литературы Тверского княжества. «Повесть о Плавe» дошла до нас только в составе Тверского сборника, где читается под 1408 г.¹ Она не была еще темой специальной работы, и только в статье М. А. Ильина «Тверская литература XV в. как исторический источник» ей был посвящен особый раздел.²

Автор настоящей статьи ограничивает свою задачу рассмотрением вопросов: когда была создана «Повесть» и к какому летописному своду она восходит. Попытка ответить на оба вопроса была предпринята только М. А. Ильиным в указанной статье. По его мнению, «Повесть о Плавe» была составлена по заказу великого князя тверского Бориса Александровича «в первую половину его княжения», именно в 1427—1430 гг. Она восходит к летописному своду Бориса Александровича 1455 г., составляющему основу второй части Тверского сборника, т. е. к так называемому «Летописцу княжения Тверского».³

Мнение о существовании этого «Летописца» в Тверском сборнике было высказано в работах А. А. Шахматова и А. Н. Насонова прежде всего на основании указаний текста 1402 г. данного сборника, содержащего обращение составителя этого текста к Борису Александровичу и заголовок «Предисловие Летописца княжения Тверского». Текст этот был признан обоими исследователями за предисловие «Летописца», составленного по заказу Бориса, а текст, идущий после 1402 г., соответственно за сам Борисов «Летописец», т. е. был определен как текст, однородный с текстом «Предисловия», как принадлежащий руке одного и того же редактора. Отсюда вытекало, что и «Повесть о Плавe» принадлежит к тому же «Летописцу» Бориса.⁴ На этом мнении Шахматова—Насонова и основана датировка «Повести» М. А. Ильина.

В статье «К вопросу о так называемом „Летописце княжения Тверского“»⁵ мы пришли к выводу, что текст Тв. сб. 1399—1402 гг. — это особая редакция «Повести о Михаиле Александровиче». Компилятор второй части Тв. сб. взяв в свой текст из свода Бориса только эту «Повесть», поместив ее среди летописных известий какого-то другого свода, к кото-

¹ Тверской сборник. — ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, столб. 474—477. (Далее: Тв. сб.).

² Труды Историко-архивного института, т. 3, М., 1947, стр. 46—51.

³ Там же, стр. 51, 49.

⁴ А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной». — Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. Записки Акад. Наук по Историко-филологическому отделению, СПб., 1899, т. IV, № 2, стр. 228.

⁵ ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 118—157.

рому не имеют никакого отношения слова о заказе Бориса, имеющиеся в «Повести». Таким образом, были поставлены под сомнение существование «Летописца княжения Тверскаго» и, поскольку устанавливалось, что текст 1399—1402 г. является позднейшей вставкой, принадлежность «Повести о Плаве» к этому «Летописцу».

В этой статье, однако, не рассматривались те аргументы Шахматова—Насонова в пользу однородности текста 1402 г. с текстом 1403—1455 гг., которые основывались на сопоставлении их между собой. А. Н. Насонов приводит их два: сходство известия 1455 г. с «Предисловием Летописца» и сходство с последним известий 1408 г., т. е. «Повести о Плаве» и прилегающих к ней известий.⁶

Но эти сходства могут говорить об однородности с текстом 1402 г. только известий этих (1408 и 1455) лет, а не всего материала 1403—1455 гг. Прежде чем принять аргументы А. Н. Насонова, надо доказать, что текст 1403—1455 гг. сам по себе однороден, пронизан одними и теми же политическими тенденциями, т. е. не представляет собой позднейшей компиляции из различных летописных сводов. Между тем Я. С. Лурье показал, что это скорее компиляция. Известие 1455 г., содержащее величание Бориса, тождественное с употребляющимися в борисовской «Повести о Михаиле» — тексте 1402 г., бесспорно восходит к своду Бориса. Но указанные Я. С. Лурье известия 1446—1447 гг., противоположные по своей политической тенденции как тексту 1402 г., так и «Слову инок Фомы», враждебные Борису Александровичу, не могли восходить к его своду; не могли восходить к нему и известия 1441 г.⁷ Я. С. Лурье сделал вывод: «При создании остальных (кроме «Повести о Михаиле» Тв. сб., — Б. Д.) частей более поздней редакции летописи (т. е. более поздней, чем редакция 1455 г., — Б. Д.) в основном была использована летопись, не связанная с Борисом; летопись Бориса могла быть привлечена только в отдельных местах».⁸ Этот вывод не был настолько обоснован, чтобы можно было считать его доказанным по отношению ко всему материалу Тв. сб. 1403—1455 гг., но во всяком случае после работы Я. С. Лурье и вышеуказанные аргументы А. Н. Насонова оказались лишними силами как для доказательства однородности текста 1402 г. со всем текстом 1403—1455 гг., так и для доказательства однородности самого текста 1403—1455 гг.

Таким образом, теперь перед нами стоит вопрос только о том, является ли «Повесть о Плаве» третьей (после «Повести о Михаиле» Тв. сб. и известия 1455 г.) вставкой, сделанной компилятором из свода Бориса, или нет.

Аргумент А. А. Шахматова о сходстве выражений в текстах 1402 г. («Предисловие Летописца») и 1408 г. («Повесть о Плаве») Я. С. Лурье пытался поставить под сомнение. Действительно, о каждом из совпадающих выражений в отдельности нельзя сказать, что они «очень редки и встречаются только у одного автора».⁹ Но этот довод бессилен перед тем обстоятельством, что А. А. Шахматов и А. Н. Насонов (дополнивший перечень) указывают на целую сумму совпадений, какая может встретиться только у одного автора.

⁶ А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. Опыт реконструкции тверского летописания с XIII до конца XV в. — Известия АН СССР, Отделение гуманитарных наук, 1930, № 10, стр. 745—746.

⁷ Я. С. Лурье. Роль Твери в создании Русского национального государства. — Ученые записки ЛГУ, № 36, 1939, стр. 97—98 (и прим. 1 на стр. 98), 100—101.

⁸ Там же, стр. 98.

⁹ Там же, стр. 97, прим. 1.

Мы вынуждены привести эту аргументацию А. А. Шахматова.

В качестве «ясных доказательств самой тесной связи» между «Предисловием Летописца княжения Тферскаго» и самим этим «Летописцем» А. А. Шахматов приводит следующие «обращения к неизвестному читателю или заказчику, аналогичные с обращениями, встречающимися в „Предисловии“: Да зри от сих, освященная главо, како ти всегубительнаго волка сотоны проириштво...» (Тв. сб., 477, в повести о Плаве); «Довлеет же zde о сем написати, отче боголюбивый Варламе» (там же, 476, в той же повести); ср. в предисловии: «честная главо», а в предисловии к Житию, сохранившемся в Новгород. 4-й летописи. «освященнаго верха». Так, мы встречаем здесь фразы, явно обличающие общего автора или редактора повестей, касающихся Ивана Михайловича и тех отрывков, где говорится о Михаиле Александровиче; в повести о Плаве читаем: «ибо межи самими христовыми человеки неприазненныя гордостныя мрежа сокровене пропинает... да в тайных сетий его углубших от него порадоватися зело хочет, яко же и...» (Тв. сб., 477); в отрывке, восходящем к Житию Михаила: «иногда же межи теми самими христовыми человеки братоненавидство и неприаственныя мрежа пропиная, да в них углубшая от сих порадоватися хотеше (вм. хочет) зело, яко...» (Тв. сб., 468). И тут и там встречаем выражение «Тверстии сынове» (Тв. сб., 476 и 468).¹⁰

Таким образом, налицо сходство двух видов: сходные обращения и сходные фразы о злоумышлениях сатаны, «пропинающего братоненавидство и мрежи межи христианы».

Но фактически речь здесь идет о сходстве всех указанных выражений «Повести о Плаве» не с одним, а с двумя разными произведениями: с «Повестью о Михаиле» Тв. сб., заказанной Борисом, и предисловием к «Повести о Михаиле» Н4Л, заказанным епископом. С которым же из двух однороден текст «Повести о Плаве»?

Одно из сходных обращений («освященный верх» — «освященная главо»), как указывает сам А. А. Шахматов (см. первое подчеркнутое нами место в его аргументации), сходно именно с предисловием Н4Л. А что касается других, то он же говорит, что в «Предисловии Летописца» «обращения к Борису Александровичу „твое боголюбие“, „честная главо“ заимствованы из предисловия к Житию, где они относились к епископу».¹¹ Наконец, фраза о злоумышлениях сатаны, как считал опять-таки сам же А. А. Шахматов (см. второе подчеркнутое место в его аргументации), находится в «Предисловии Летописца» «в отрывке, восходящем к Житию Михаила», т. е. к житию, которое составлено, по мнению А. А. Шахматова, «в начале XV в. по распоряжению епископа Арсения» и к которому относится и предисловие, сохранившееся в Н4Л, где зашифровано имя Арсения.¹²

Сопоставление предисловия из Н4Л, которое, как прямо в нем сказано, писалось для «Повести о житии и преставлении Михаила», с предисловием борисовской «Повести о Михаиле», сделанное в упомянутой моей статье «К вопросу... о Летописце...», показало, что первое — это только

¹⁰ А. А. Шахматов. Разбор..., стр. 221. (Разрядка моя, — Б. Д.). М. А. Ильин (Тверская литература..., стр. 49—50) повторил эту аргументацию, в отличие от А. Н. Насонова, без ссылки на А. А. Шахматова. При этом М. А. Ильин справедливо заметил, что эти обращения не могли относиться к великому князю Ивану, так как о нем в «Повести» говорится в третьем лице, и что в то же время они могли относиться только к лицу, очень высоко стоящему. Но он упустил из виду, что соответственно самой форме обращений они могли относиться только к высоко стоящему духовному лицу.

¹¹ А. А. Шахматов. Разбор..., стр. 220, прим. 1.

¹² Там же, стр. 220, 219.

начало предисловия первичной арсениевской «Повести о житии и преставлении Михаила», а второе является переработкой того же первичного предисловия, сохранившей его конец и сделанной непосредственно по тексту арсениевской «Повести».¹³ В то же время сопоставление имеющихся текстов «Повести о Михаиле» показывает, что редакции «Повести о житии и преставлении Михаила» Никоновской летописи и Тв. сб., а также и пространная «Повесть о преставлении Михаила» Симеоновской—Рогожского летописца каждая в отдельности восходят к одной первичной «Повести о житии и преставлении Михаила», сделаны на ее основе, хотя борисовская «Повесть» наиболее радикально ее переработала. Текст этой первичной повести, вероятнее всего, сохранился в Лицевом своде эпохи Грозного.¹⁴

Текст «Повести о Михаиле» Лицевого свода подтверждает правильность сделанной А. А. Шахматовым в 1899 г. расшифровки тайнописи.¹⁵ Ни в каких вариантах «Повести» нет ни малейших следов упоминаний об Антонию, тогда как в вариантах «Повести» Лицевого свода эпохи Грозного и Никоновской летописи (очень близких друг к другу), а также в варианте Симеоновской—Рогожского летописца епископ Арсений едва ли не заслоняет собой и самого Михаила. Его слушается Михаил, с ним одним совещается, даже тайно от жены и сыновей; ему одному поверяет Михаил заветную мечту всей своей жизни (о пострижении), только он наряду с Михаилом произносит в «Повести» пространные речи, он объявляет заветную волю Михаила народу, он постригает, а затем и отвечает его и т. д. Дело здесь не только в епископском сане Арсения. Обо всем этом рассказано так подробно, что в XVIII в. на основе «Повести о Михаиле» Лицевого свода было скомпилировано пространное житие Арсения (список его имеется в ГБЛ). Следовательно, была «Повесть», заказанная Арсением, но не было «Повести», заказанной Антонием.

Из трех имеющихся «Повестей о житии и преставлении Михаила» только находящаяся в Лицевом своде может быть той, для которой предназначалось предисловие, в котором зашифровано имя Арсения, ибо в «Повести» Тв. сб. роль Арсения уменьшена, а в «Повести» Никоновской летописи содержится прямое выступление против Ивана Михайловича (сообщение о заветании княжения не ему, а Василию). Последняя не могла быть заказана Арсением, так как данных о каком-либо открытом конфликте его с Иваном нет, а такое выступление могло быть заказано только тем, кто вел против Ивана вооруженную борьбу.¹⁶

Следовательно, из наблюдений А. А. Шахматова должен быть сделан вывод не о принадлежности «Повести о Плаве» к своду Бориса, а о том, что «Повесть о Плаве» была написана тем же лицом, которое написало по заказу Арсения первичную редакцию «Повести о преставлении и житии Михаила», имевшую первоначально и свое предисловие. Сходства с последним борисовской «Повести о Михаиле» — это только след того, что она восходит к арсениевской «Повести о Михаиле» как к своему источнику.

Однако возникает затруднение: в тексте арсениевской «Повести о Михаиле» (т. е. ни в Лицевом своде, ни в реконструируемом предисловии этой

¹³ ТОДРА, т. XIII, стр. 129—135.

¹⁴ В настоящей статье мы вынуждены привести только данный основной результат этого сопоставления.

¹⁵ Впоследствии А. А. Шахматов отказался от этой расшифровки и выдвинул имя Антония, преемника Арсения, в качестве заказчика жития Михаила (Общерусские летописные своды XIV и XV веков. — ЖМНП, 1900, № 9, стр. 175 и прим. 1 к ней).

¹⁶ Таким образом, арсениевская «Повесть о житии и преставлении Михаила Александра» реконструируется из предисловия Н4Л, третьей части предисловия борисовской «Повести» и всего текста «Повести» Лицевого свода.

«Повести», ни вообще в каком-либо другом варианте «Повести о Михаиле»), вопреки предположению А. А. Шахматова, нет фразы о злоумышлениях дьявола. Как же она попала в борисовскую «Повесть о Михаиле»? Кроме того, надо еще убедиться, писал ли составитель арсениевской «Повести о Михаиле» и «Повесть о Плаве» по заказу того же Арсения или уже для другого заказчика?

Интересующая нас фраза читается в «Повести о Плаве» в следующем виде и контексте: «Да зри от сих...¹⁷ каково есть всегубительнаго волкасотоны проириство, иже не почивает, Христово стадо словесных овец сважуя и многими казнями пленяя: овогда нашествие иноплеменник наводя на ня, да пролиет кровь и порадуется; овогда же неприязненныя гордостныя мрежа сокровене пропинает той вселукавый боритель межи самыими Христовыми человеки и, потонку высокоумием обуздывая, водит я. Аще господь не заступит и не открит лукавую волю его, заступает же мысленне им очи, еже не зрети разумне, да в тайных сетех его углубших от него порадоватися зело хошет, яко же и zde от назнаменанныя вещи показася».¹⁸ Последние слова показывают, что, изъяснив, какими средствами сатана пленяет «словесных овец христовых» (либо наводит на них иноплеменников, либо обуревает их высокоумием и гордостью, сея тем раздор между ними), автор ссылается на какие-то конкретные примеры подобных действий сатаны.

Действительно, далее (уже за пределами текста «Повести о Плаве») идут примеры нашествий Литвы, а затем немцев, при которых «за грехы наша, мнози падоша пред иноплеменники».¹⁹ Тождество авторства процитированной фразы и следующего за ней текста выступает, таким образом, ясно: и по манере выражений, и по ходу мысли. Приводит автор примеры и второго рода действий сатаны, говоря сначала (еще в тексте «Повести») о высокоумии московских князей, затем (уже вне текста «Повести») приводя следующий пример: «В дни же сия князь Юрий Всеволодичь бе на Москве уже третье лето, его же извадиша злии человеци от предела его. Князь великий Иван многожды посылаше, сице рече: „И не отлучайся, брате, дому святаго Спаса — своего отчества, но понди живи на предели отца своего, а злых человек не слушай; аще ли ти кая обида есть, да се о нас епископ Арсений...“. Он же внимаше, но злии человеци на горшая обратиша и, и повадиша с Москвы в Орду... Иван Михайлович, видев мира христианского злыми человеки возмущаема»²⁰ и т. д. Настойчиво проводится та же мысль интересующей нас фразы: злые люди, орудие сатаны, возбуждают высокоумие и гордость в князьях и так сеют раздор в христианском мире. Несомненно одна и та же рука писала текст «Повести о Плаве» и следующих за ней известий 1408 г., включая замечание: что «бог... милует род христианьский: человеколюбне знамение являет и прещаше, да възвратимся кождо от злобь своих»,²¹ и далее до известия о ростовском пожаре.²² Во всяком случае объяснением, как бог отвечает

¹⁷ Здесь опускаем обращение (см. прим. 26).

¹⁸ Толстовский список Тв. сб. — ГПБ, F.IV.214, л. 400 об. Ср. Тв. сб., стлб. 477.

¹⁹ Тв. сб., стлб. 477—478.

²⁰ Тв. сб., стлб. 478.

²¹ Тв. сб., стлб. 479.

²² На стлб. 480 читаем: «Сиа убо о знаменни грехом идеже поуще, пререченным последуем». Это не компиляторская связка, ибо такие возвраты назад свойственны манере данного автора (ср. стлб. 477), и возобновление рассказа о происках Юрия начинается точно с того места, на котором он кончается до эпизода о божьих знамениях. Именно здесь мы имеем окончание рассказа о том, как замысел сатаны внести раздор в семью тверских князей и высокоумие Юрия потерпели крах. Далее же в рассказе «О побойщи рязанском» (стлб. 480—481) находим продолжение другой темы «Повести

на козни сатаны, дополняется тема, начатая во фразе о злоумышлениях сатаны.²³

А. Н. Насонов продолжил шахматовский перечень сходств с текстом 1402 г. и на текст известий 1408 г., следующих за «Повестью о Плаве» (все указанные им места приходятся между окончанием текста «Повести» и словами о значении знамений божьих).²⁴ Для нас эти места — свидетельство того, что и после «Повести о Плаве» мы имеем дело в Тв. сб. с той же авторской манерой, в которой написана и она сама.

Итак, известия 1408 г. (Тв. сб., стлб. 477—481) взяты из того же свода, в котором находилась «Повесть о Плаве» до того, как она попала в Тв. сб.

В то же время мы видим, что в известиях 1408 г. выступает епископ Арсений в качестве лица, авторитетного для всех тверских князей и для самого великого князя тверского Ивана, не слушаются Арсения, оказывается, только по наущению дьявола. Для такого отношения к Арсению характерно и то, что в конце рассматриваемого эпизода, когда речь идет о возвращении Ивана из Орды, автор не забывает упомянуть, что его встречали «епископ, весь собор и людие всего града»²⁵ (формула, часто употребляющаяся в арсениевской «Повести о Михаиле»), хотя приходы великих князей из Орды отмечаются обычно без таких упоминаний (сообщается только о том, с чем князь пришел из Орды).

Теперь можно понять, откуда и как попала в борисовскую редакцию «Повести о Михаиле» фраза о злоумышлениях дьявола. Ее не было в арсениевской «Повести о Михаиле», но она была в летописном своде Арсения, именно во входившей в его состав, заказанной Арсением же «Повести о Плаве». Составитель «Повести о Михаиле», заказанной Борисом, использовал при ее составлении «Повесть о Михаиле» начала XV в., заказанную о Плаве» (связанной с темой о кознях сатаны: «старцы» — это как раз те, которые «зрят разумне»): «старцы же се не похвалиша... се бо здумаша бояри юнии» (стлб. 480; ср.: «Повесть о Плаве», стлб. 475). Отношение к татарской помощи и здесь то же, что в «Повести».

²³ Что известия 1408 г. представляют собой раскрытие тезиса, высказанного во фразе о злоумышлениях сатаны, видно и по тексту этой фразы изданного Погодинского списка Тв. сб., так как и в нем налицо те два способа действий сатаны, которые далее разъясняются. Однако эта фраза лучше сохранилась в Толстовском списке, поэтому мы и цитируем ее по нему. В Забелинском списке (ГИМ, Музейское собр., № 288-6, лл. 193 об—194; далее: Заб. сп.) и в восходящем к нему Погодинском, представляющем иной извод Тв. сб., нежели Толстовский список, эта фраза изменена и частично обесмыслена позднейшим переписчиком. Это подтверждается тем, что здесь нарушено логическое и грамматическое строение фразы и смысл ее менее соответствует остальному тексту «Повести о Плаве». Писец Забелинского списка (или его протографа по изводу) отнесся к рассматриваемой фразе не как к тезису, который далее развивается и раскрывается, а как к богословскому отступлению автора, как к самостоятельной картине действий сатаны. Он и привел фразу в соответствие со своим взглядом на ее роль: прибавил совершенно некстати в качестве еще одного возможного способа воздействия сатаны на людей «любовные сети»; добавлением слов «о несбывшейся воле его» придал, погрешив этим против первичной логичности фразы, последовательность применению сатаной его соблазнов; наконец, прибавил устрашающую наглядность всей картине: «виж лукавый тряет». Получилось, что есть три способа действий сатаны, а спасение есть только от одного (любовных сетей). Грамматическое строение фразы нарушилось и стало непоследовательным: «ово... аще ли... а ина...» вместо первичного «овогда... овогда...». Понятно поэтому, что фраза Забелинского и Погодинского списков менее соответствует и тексту известий 1408 г. Но это нужно относить за счет изменений, сделанных в ней писцом, положившим начало изводу, имеющемуся в Забелинском и Погодинском списках. Таким образом, ни различие интересующей нас фразы в списках Тв. сб., ни меньшее соответствие ее в двух списках дальнейшему тексту не могут служить поводом для сомнений в однородности текста «Повести о Плаве» с последующими известиями.

²⁴ А. Н. Насонов. Летописные памятники..., стр. 745.

²⁵ Тв. сб., стлб. 479.

Арсением, вместе с ее предисловием, переадресовав в последнем обращении к Арсению на имя Бориса.²⁶ Однако источником борисовской «Повести о Михаиле» была не отдельная арсениевская «Повесть о Михаиле», а летописный свод Арсения, в который входили и эта «Повесть о Михаиле» и «Повесть о Плаве». Наличие в «Повести», заказанной Борисом, фразы о злоумышлениях дьявола (измененной и примененной в совсем другой связи) — это результат чтения ее составителем всего свода Арсения.

Итак, «Повесть о Плаве» восходит к своду епископа Арсения, окончательное редактирование которого было сделано уже после смерти Арсения, не ранее 1409 г. и не позднее 1413 г.²⁷ Писаться же летописная «Повесть о Плаве» могла не ранее 1408 г., поскольку последние события, упоминаемые в известиях, объединенных общей мыслью с «Повестью о Плаве», приходится на январь и весну 1408 г.²⁸ и не позднее 1409 г., поскольку в «Повести» составитель обращается к Арсению как к живому: «да зри от сих» и т. п., а умер он 2 марта 1409 г.

Этот вывод подтверждает указание Я. С. Лурье о компилятивности второй части Тв. сб. Ее компилятор под 1402 г. внес «Повесть о Михаиле» из свода Бориса Александровича, известия 1408 г. он взял вместе с «Повестью о Плаве» прямо из свода Арсения. И так появилась в Тв. сб. во второй раз фраза о злоумышлениях дьявола, но уже в своем первоначальном виде и контексте. Известия 1441 г. и 1446—1447 гг., о которых шла речь у Я. С. Лурье, составитель взял из какого-то третьего тверского свода, враждебного Борису. Все эти памятники и известия брались им не через посредство «Летописца княжения Тферскаго», а непосредственно из этих сводов. Только компилятору второй части Тв. сб., работавшему, согласно выводу А. Н. Насонова, уже в самом конце XV в., могли быть безразличны те разнообразные политические тенденции, которые отличали друг от друга эти своды и которые были гораздо важнее для человека середины XV в. (например, отношение к самому Борису Александровичу).²⁹

²⁶ Имя Арсения было здесь заменено на имя заказчика новой редакции «Повести о Михаиле». Аналогичное явление наблюдаем и с «Повестью о Плаве». В изводе Тв. сб. Забелинского и Погодинского списков читаем вместо имени Арсения имя Варлаама, очевидно, заказывавшего тот список Тв. сб., при списании которого и возник этот извод. Забелинский список сохранил след обращения к Арсению больший, нежели более поздний, Погодинский список: «отне отче» (Заб. сп., л. 193). Это тот же «отче отцем» Предисловия арсениевской «Повести о Михаиле» из Н4Л. Варлаам, очевидно, не имел никакого отношения ни к «Повести о Плаве», ни к истории Тв. сб. до момента разделения его списков на два извода, так как его имени нет в Толстовском списке. Составитель того извода Тв. сб., к которому относится Толстовский список, заменил имя Арсения иначе: «Да зри от сих кождо православный христианине», а также: «ты же зри, христоименный народе» вместо «о боголюбивая главо» (Толстовский список, л. 400 об). Разнообразие замен имени Арсения при сохранении одних и тех же следов обращения именно к епископу в двух разных памятниках может только подтверждать истинную принадлежность их к одному своду Арсения.

²⁷ А. А. Шахматов считал, что свод Арсения был составлен в 1409—1410 гг. (Разбор. . . , стр. 215). А. Н. Насонов полагает, что он кончался 1409 г., но «получил окончательную редакцию после его (Арсения, — Б. Д.) смерти» (Летописные памятники. . . , стр. 762, см. также стр. 756—757, 760—762). М. Д. Приселков относил окончательное редактирование свода к 1413 г. и считал, что он кончался 1412 г. (История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 114—115, 141).

²⁸ Прибытие Юрия из Орды с требованием Кашина и 10 волостей В. С. Борзакowskiй на основании сопоставления Тв. сб. с Никоновской летописью относит к январю 1408 г. (История Тверского княжества, СПб., 1876, стр. 267). Битву пронского князя с рязанским А. Е. Пресняков на том же основании относит к июню 1408 г. (Образование Великорусского государства. Пгр., 1918, стр. 249—250).

²⁹ Остается нерассмотренным только один аргумент в пользу существования «Летописца княжения Тферскаго» из пяти выдвинутых А. Н. Насоновым (ср. ИОРДЛ, т. XIII, стр. 157).